

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

МОДИФИКАЦИЯ VS КОММОДИФИКАЦИЯ

Д.С. Шалагинов

Школа философии
Факультет гуманитарных наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Старая Басманная, 21/4, Москва, Россия, 105066

Способна ли модификация человеческого тела стать оплотом эмансипаторной политики? Этот вопрос может возникнуть у читателя работы Майкла Хардта и Антонио Негри «Империи». Их проект сводится к созданию картины всемирной борьбы «Империи», учрежденной власти капитала, поддерживающего ее государства, и множества — (пост)современного субъекта труда.

В данном очерке мы хотели бы проблематизировать гипотезу о телесной модификации как освободительной практике.

Обратимся непосредственно к тем фрагментам текста Негри и Хардта, в которых авторы развивают интересующую нас идею.

Теоретики заявляют о том, что симптомом постсовременности становится размывание межгендерных телесных и сексуальных отношений. Вплоть до того, что человеческие тела начинают приобретать некие постчеловеческие характеристики. Речь в данном случае идет об «эстетических мутациях», таких как пирсинг и татуировка. Условием их возможности, по мнению Негри и Хардта, является переосмысление человеческой природы как таковой, а именно: «признание того, что человеческая природа никоим образом не отделена от природы в целом, что не существует строгих и необходимых границ между человеком и животным, человеком и машиной, мужчиной и женщиной и так далее; это — признание того, что сама природа является искусственной сферой, открытой всем новым мутациям, смешениям, гибридизациям» [8. С. 204].

Тем самым мыслители пытаются проиллюстрировать концепт антропологического исхода, иначе говоря — такого изменения субъекта труда, которое способно освободить его от власти капитала и государства, — создать новую локальность в а-локальном пространстве, островок альтернативных социально-политических отношений, публичную сферу [2. С. 36—39] в мире позднего капитализма. В этом

смысле можно говорить о конструктивном аспекте мутации, которая несет с собой творческую силу, создающую новое тело. Тем не менее эстетические мутации остаются всего лишь слабым подобием некоторого радикального изменения, которое должно быть способно перечеркнуть применяемую к телу власть нормализации самим фактом своего существования [8. С. 204].

Таким образом, здесь мы уже сталкиваемся с частичным ответом на поставленный нами вопрос: сама по себе практика телесной модификации не является достаточным средством в борьбе за освобождение. Необходимо создание некоего нового способа существования, контуры которого философы не прочерчивают достаточно четко. Но кое-что по этому поводу они все-таки говорят: «Антропологические метаморфозы тел совершаются посредством общего опыта труда и новых технологий, обладающих конститутивным воздействием и онтологическими смыслами. Орудия всегда выполняли для человека роль протезов, интегрированных в наши тела нашей трудовой практикой, они были своего рода антропологической мутацией, как в отношении индивида, так и в отношении коллективной жизни общества» [8. С. 204].

Оптимистический пафос М. Хардта и А. Негри во многом опирается на идеи Делёза, утверждавшего, что «человек — это животное, которое изменяет свою собственную породу» [9. С. 243], а также явно конвергирует с «Манифестом киборгов» Донны Харауэй [10] (авторы подчеркивают особое значение ее идей [8. С. 95]), которая прибегает к образу киборга, чтобы стереть общепринятые границы: 1) между животным и человеком; 2) между организмом и машиной [10].

Однако необходимо вернуться к вопросу, с которого мы начали эту статью, — может ли практика телесной модификации, фундированная отказом от проведения четкой грани между человеческим и нечеловеческим, стать инструментом борьбы с капитализмом? Достаточно ли превратить свое тело в пространство перманентного экспериментирования, стирающего традиционные границы, чтобы стать свободным?

В поисках ответа обратимся к работе Джорджо Агамбена «Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь», где итальянский философ рассказывает о случае некоего биолога Уилсона, который, узнав о том, что болен лейкемией, решает превратить свое тело в исследовательскую лабораторию. Так как он сознательно идет на этот шаг и сам отвечает за себя, юридические и этические барьеры не имеют над ним власти: «Его тело, — пишет Агамбен, — не принадлежит ему самому, ибо оно было преобразовано в лабораторию; но оно не принадлежит и обществу, так как оно способно нарушить пределы, которые нравственность и закон налагают на эксперимент, лишь будучи чьим-то индивидуальным телом» [1. С. 236].

Философ замечает, что в данном случае мы имеем дело с зоной неразличимости, поскольку подобная жизнь — *experimental life* — является одновременно и *vi-os*, то есть политической жизнью гражданина государства, и *zoe* — жизнью как таковой, голой жизнью. Эксперимент стирает границу, что приводит к исключению человека как из человеческого, так и из нечеловеческого порядка. Но несет ли в себе это состояние неразличимости потенциал освобождения? С одной стороны, Агамбен заявляет о том, что внимательное отношение к подобным «неудоб-

ным зонам безразличия» может поспособствовать выработке новых политических моделей, с другой — «ни само тело, ни экономика его удовольствий не могут выступать в качестве точек противостояния претензиям суверенной власти» [1. С. 237].

Голая жизнь, по Агамбену, представляет собой предел пассивности. Для Негри жизнь, напротив, представляет собой виртуальное могущество, идея которого позволяет Негри и Хардту заявлять о том, что *множество* обладает бесконечной творческой силой, напрямую связанной с наукой, знанием, аффектом и языком, составляющими антропологическую виртуальность [8. С. 339]. Неудивительно, что теоретики относятся к выводам Агамбена несколько критически [8. С. 340].

Ссылки на виртуальное могущество, однако, не являются достаточным основанием для положительного ответа на поставленный нами вопрос.

Контуры имперского строя, утверждают исследователи, могут быть представлены в виде ризомы, которая оказывается одновременно как закрытой, так и открытой. Главным условием существования подобной глобальной сети является то, что «она носит гибридный характер...» [8. С. 299—300].

Здесь мы сталкиваемся с двумя выводами: во-первых, если внешнего больше нет (ризома стирает границу внутреннего/внешнего), разговор о возможности другого мира становится нерелевантным (весь мир стал Империей); во-вторых, призыв к гибридизации совпадает с курсом позднего капитализма на производство изменчивых субъектов. Весьма здравую критику базового посыла «Империи» предложил Петер Слотердаjk, который заметил: «в царстве капитала любая возможная оппозиция является порождением тех состояний, против которых она обращается» [7. С. 841]. Если никакого внешнего больше нет, то и новый мировой порядок, и постмодернистский субститут революционного субъекта представляют собой одно и то же, а значит, проект внутреннего преодоления капитализма ставится под угрозу.

Ключевой недостаток позиции Негри и Хардта, на наш взгляд, заключается в том, что капитализм потенциально способен превратить в товар даже то, что обладает, казалось бы, очевидным иммунитетом к коммодификации. Сегодня телесные преобразования стремительно входят в моду, а следовательно — превращаются в предмет потребления. Более того, субъект беззащитен против культурных инфекций позднего капитализма, который моделирует его на доиндивидуальном уровне [10; 11]. Этой проблеме посвящено небольшое эссе другого известного теоретика постопераизма Маурицио Лаззарато «Машина», в котором он различает два типа подчинения — социальное подчинение (индивидуальный уровень) и машинное порабощение (доиндивидуальный уровень) [5]. Субъект не в состоянии сознавать процесс, в ходе которого его органы и силы подсоединяются к функциям, органам и силам технической машины, что приводит к возникновению единого комплексного устройства, единого тела.

Эта идея вызывает ассоциации с образами, которые разрабатывает в своем творчестве Дэвид Кроненберг. Достаточно вспомнить сцену слияния персонажа фильма «Видеотроп» (1982) с экраном телевизора. Как утверждали Делез и Гваттари, мысль не является прерогативой философии, искусство мыслит ничуть не в меньшей степени, только делает это, прибегая к перцептивно-аффективным

средствам [3. С. 229]. Поэтому далее мы хотели бы обратиться к кинематографическим и литературным объектам.

Тело и его изменения занимают центральное место в творчестве канадского режиссера и писателя. Как отмечает культуролог Александр Павлов, работы Кроненберга «являются „телесными“ в двух смыслах. В прямом: тело — главный объект интереса практически во всех картинах мастера. В переносном: картины Кроненберга оказывают влияние на наши тела во время просмотра» [6. С. 116—117].

Внимание режиссера к телу становится стилиобразующей чертой. Она прекрасно прослеживается в уже упомянутом «Видеодроме», в финале которого телевизионный образ исчезнувшей подруги сообщает Максу Ренну (персонажу Джеймса Вудса) о том, что тот уже претерпел значительные психосоматические мутации, но должен пройти весь путь, полную трансформацию, осуществить которую можно лишь уничтожив свое тело, после чего герой убивает себя со словами: «Долгая жизнь новой плоти!» Этот эпизод может быть прочитан как метафора завершающей стадии доиндивидуального порабощения. Несмотря на существенные контекстуальные отличия, нельзя не вспомнить о монструозной плоти множества, о которой столь красноречиво пишут Негри и Хардт [9. С. 238—239].

В романе «Употреблено» (2014) читатель встречается с размышлениями персонажей о возможном эстетическом повороте: «Сейчас так много женщин болеет раком. Как ты думаешь, может, возникнет целая эстетика? Мода на онкобольных?... Прежде понимание красоты люди связывали с отсутствием признаков болезни, близкой смерти, теперь же, словно по злему колдовству, все извратилось, и красота подчас лишь имитация юности, зрелости, здоровья...» [4. С. 76—77].

В данном контексте можно было бы иронически заметить, что «преображенное болезнью» тело вполне подходит для воспеваемого Негри и Хардтом антропологического исхода — оно уже практически не способно к нормализации, подобно телу биолога Уилсона, о котором пишет Агамбен. Более того, это тело действительно может стать воплощенным экспериментом, «авангардным воплощением красоты» [4. С. 81].

На основании сказанного можно прийти к выводу о том, что в пространстве тотальной коммодификации, создаваемом поздним капитализмом, авангард занимает свою нишу на рынке — у него, как и у других продуктов, есть своя целевая группа потребителей. Поэтому подобное модифицированное тело потенциально способно стать предметом потребления — в сущности, Кроненберг мастерски обыгрывает этот мотив в своем произведении. Центральной идеей, определяющей концепцию персонажа его романа, левого философа Аристиды Аростеги, является именно тело как предмет потребления [4. С. 56].

На страницах книги мы также сталкиваемся с мотивами каннибализма и органического капитализма — торговли человеческими органами. Последний мотив оказывается важным — ведь если, как утверждает Харауэй, разграничение между животнo-человеческим организмом и машиной действительно устарело, этот организм, лишенный коренного отличия от машины, также поддается сборке и монтажу [10].

Таким образом, мы начали свое размышление с рассмотрения пассажи «Империи», который намекает на возможность будущего сопротивления, связанного

с антропологическим исходом — радикальной психосоматической трансформацией субъективности. Затем обратились к другому возможному сценарию эволюции телесности, сулящему куда менее радужные перспективы. Несомненно, логика Негри и Хардта напрямую связана с попыткой ликвидации трансцендентного измерения как гаранта онтологической стабильности и самотождественности мира и индивида, о чем свидетельствует их заявление: «Антигуманизм, рассматриваемый как отрицание всякой трансценденции, никоим образом нельзя путать с отрицанием *vis viva*, творческой жизненной силы, одухотворяющей революционную традицию современности. Напротив, отрицание трансценденции является условием возможности мыслить эту имманентную власть анархической основой философии» [8. С. 95]. Этот революционный пыл не должен отвлекать нас от того, что в основе анархизма лежит логика, во многом схожая с капиталистической.

На данное сходство недвусмысленно указывают персонажи другого фильма Кроненберга — «Космополиса» (2012), — которые размышляют о том, что анархисты всегда воспринимали желание уничтожить как творческий порыв. С другой стороны, это желание оказывается и признаком капиталистического мышления — насильственным разрушением, связанным с решительным устранением старых отраслей и утверждением новых рынков. В обоих случаях мы встречаемся с идентичным кредо: «Уничтожить прошлое, чтобы создать будущее». Негри и Хардт делают ставку на творческий потенциал *множества*, но, как верно замечает другой представитель автономного марксизма Маурицио Лаззарато, и капиталистическая машина обладает властью приводить в движение творческие процессы [5]. Кроненберг же иллюстрирует возможную модель изменения отношения к телу, предостерегая нас: ставка на «экспериментальную жизнь» может привести к тому, что сама телесность станет полностью вписанной в пространство коммодификации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Агамбен Дж.* Номо сасег. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011.
- [2] *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013.
- [3] *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Академический проект, 2009.
- [4] *Кроненберг Д.* Употреблено: роман. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2015.
- [5] *Лаззарато М.* Машина. URL: <http://eipcp.net/transversal/1106/lazzarato/ru>.
- [6] *Павлов А.* Постыдное удовольствие: философские и социально-политические интерпретации массового кинематографа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
- [7] *Слотердайк П.* Сферы. Плуральная сферология. Том III. Пена. СПб.: Издательство «Наука», 2010.
- [8] *Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004.
- [9] *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.
- [10] *Gasparyan D.* Mirror for the other: problem of the self in continental philosophy from Hegel to Lacan // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2014. Т. 48. № 1.
- [11] *Gasparyan D.* Absolute imperatives of rationality in transcendental pragmatics and communication theory // Middle East Journal of Scientific Research. 2012. Т. 12. № 9.
- [12] *Haraway D.* A Cyborg Manifesto. URL: <http://faculty.georgetown.edu/irvinem/theory/Haraway-CyborgManifesto-1.pdf>.

MODIFICATION VERSUS COMMODIFICATION

D.S. Shalaginov

School of Philosophy
Faculty of Humanities

National Research University Higher School of Economics
Staraya Basmannaya St., 21/4, Moscow, Russia, 105066

REFERENCES

- [1] *Agamben Dzh.* Homo sacer. Suverennaja vlast' i golaja zhizn'. M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2011.
- [2] *Virno P.* Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni. M.: OOO «Ad Marginem Press», 2013.
- [3] *Delez Zh., Gvattari F.* Chto takoe filosofija? M.: Akademicheskij proekt, 2009.
- [4] *Kronenberg D.* Upotrebleno: roman. M.: Izdatel'stvo AST: CORPUS, 2015.
- [5] *Lazzarato M.* Mashina. URL: <http://eipcp.net/transversal/1106/lazzarato/ru>.
- [6] *Pavlov A.* Postydnoe udovol'stvie: filosofskie i social'no-politicheskie interpretacii massovogo kinematografa. M.: Izd. dom Vysšej shkoly ekonomiki, 2015.
- [7] *Sloterdajk P.* Sfery. Pljural'naja sferologija. Tom III. Pena. SPb.: Izdatel'stvo «Nauka», 2010.
- [8] *Hardt M., Negri A.* Imperija. M.: Praxis, 2004.
- [9] *Hardt M., Negri A.* Mnozhestvo: vojna i demokratija v epohu imperii. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2006.
- [10] *Gasparyan D.* Mirror for the other: problem of the self in continental philosophy from Hegel to Lacan. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2014. T. 48. № 1.
- [11] *Gasparyan D.* Absolute imperatives of rationality in transcendental pragmatics and communication theory. *Middle East Journal of Scientific Research*. 2012. T. 12. № 9.
- [12] *Haraway D.* A Cyborg Manifesto. URL: <http://faculty.georgetown.edu/irvinem/theory/Haraway-CyborgManifesto-1.pdf>.